

УДК 316

DOI 10.23683/2227-8656.2017.4.9

**ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО
ПОВТОРЕНИЯ В ХОДЕ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ
И ЦЕННОСТНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

**PHENOMENON OF SOCIAL
REPETITION IN THE
INSTITUTIONAL AND VALUE
CHANGES IN RUSSIAN
SOCIETY**

Гнатюк Максим Александрович

Кандидат социологических наук,
преподаватель,
Самарский государственный университет
путей сообщения,
г. Самара,
e-mail: gnatuk_m@yandex.ru

Maxim A. Gnatyuk

Candidate of Sociological Sciences,
Teacher,
Samara State
Transport University,
Samara,
e-mail: gnatuk_m@yandex.ru

В статье показано, что в российском обществе вновь сработало инерционное начало, на этот раз преимущественно в образах советского прошлого. Подобное проявление феномена социального повторения в ходе институциональных и ценностных изменений в обществе накладывается на торможение в начале нового столетия процессов формирования институтов демократии, гражданского общества и рыночной экономики.

The article shows that the inertial principle again works in Russian society, this time it manifests mainly in the images of the Soviet past. Such a manifestation of the phenomenon of social repetition in terms of institutional and value changes in the society is overlaps the inhibition of the formation of the institutions of democracy, civil society and market economy at the beginning of the new century.

Ключевые слова: социальное повторение, социальное пространство, институциональные и ценностные изменения, социальная инерция, социальность.

Keywords: social repetition, social space, institutional and value changes, social inertia, sociality.

Социальные и политические практики свидетельствуют, что в российском обществе вновь сработало инерционное начало, на этот раз преимущественно в образах и интенциях советского прошлого. Подобное проявление феномена социального повторения в ходе институциональных и ценностных изменений в обществе накладывается на приостановку в начале XXI в. процессов формирования институтов демократического общества, гражданского общества и рыночной экономики.

Инерционное проявление советского прошлого в пространстве социокультурных перемен обусловлено тем, что радикальные социальные изменения размывали привычные контуры жизненного порядка, социального взаимодействия и социальной идентификации, деформировали социализационные векторы.

Феномен социального повторения в ходе институциональных и ценностных изменений в обществе тесно связан с состоянием социального пространства.

П. Бурдьё исходит из двойственной природы социального пространства и социальных позиций. Он обращает внимание на глубоко скрытые структуры различных социальных сред, которые составляют социальный универсум, а также механизмы, служащие его воспроизводству и трансформации. Особенности такого универсума связаны с тем, что оформляющие его структуры «живут двойной жизнью»: как «реальностью первого порядка», данной через распределение материальных ресурсов и средств присвоения престижных благ и ценностей, и как «реальностью второго порядка», которая существует в представлениях, мышлении и поведении как символическая матрица практической деятельности. При этом совокупность позиций в социальном пространстве конституируется практиками, а социальное пространство как бы воссоединяет агентов и практики при постоянном и активном их взаимодействии [1].

Институциональные и ценностные изменения в российском обществе сопровождаются процессом переструктурирования, размывания или даже разрушения прежних контуров социального пространства. В конфликте притязаний со сложностями жизни рождаются новые социальные движения «высокой» современности, реагируя на возрастающие риски и вызовы современного общества.

Как показали данные социологических опросов 2008 г., 46 % россиян считают, что сегодня Россия является «абсолютно нормальным обществом», и по сравнению с 2000 г. количество разделяющих данную точку зрения увеличилось на 33 %.

При этом под «нормой» подразумеваются вполне традиционные европейские ценности – отсутствие инфляции (98 %), наличие безопасности (97 %), возможности повышения своего жизненного уровня (97 %), нахождения работы для каждого (96 %) и получение помощи системы социальной защиты в случае необходимости (96 %) [2].

Более поздние социологические исследования, реализованные в 2014–2015 гг. Институтом социологии РАН в рамках проекта «Динамика социальных трансформаций современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», показали, что большинство россиян считают, что Россию ждут тяжелые времена (51 %). Основные потери, понесенные российским обществом в последние годы и лишаящие его черт «нормальности», россияне видят в снижении уровня жизни населения и экономическом спаде, в ухудшении положения дел с занятостью (51–63 %), а также в сфере здравоохранения, жилищной ситуации, ситуации с коррупцией (33–38 %), в негативных изменениях фундаментальных основ жизни социума – сферы морали и социальной справедливости (35–36 %) [3].

Что же россияне подразумевают под «нормальностью»?

Опросы показывают, что респонденты практически единодушны в выборе критериев такого общества.

Абсолютное большинство (85 %) считает очень важным «безопасно ходить по улицам, не опасаясь стать жертвой преступления» и иметь возможности «повысить свой жизненный уровень». Четыре пятых опрошенных считают важным, чтобы «каждый, кто хочет, мог найти работу» и не было угрозы снижения уровня жизни. Среди главных причин, в силу которых российское общество не может стать «нормальным», видятся коррупция и неспособность государства обеспечить поддержание правопорядка.

Только 11 % опрошенных видят препятствия для «нормализации» общества в наследии советского прошлого, хотя многие полагают, что сегодняшние проблемы берут начало именно в той эпохе. Главным препятствием для «нормализации» общества многие из респондентов считают не национальные традиции и нравы, но политику политического руководства, которое неспособно заставить чиновничество исполнять существующие законы, обеспечивать нормальное функционирование экономического механизма [4].

Практически к тем же выводам приходит публицист С. Новопрудский, полагающий, что наше варварство имеет старые корни [4]. Есть складывавшаяся веками и никуда не исчезнувшая за постсоветские годы историческая дикость народа. И есть сознательная эксплуа-

тация этой дикости нынешними властями, желающими поставить инстинкт варвара на службу собственному инстинкту самосохранения. Качество народа напрямую зависит от политики властей.

Отрицательный искусственный отбор длился у нас несколько столетий. Своего пика культивирование варварства достигло в советскую эпоху. В итоге дети и внуки варваров остаются варварами в варварской среде. В обществе слишком много «простых» людей в худшем смысле этого слова и слишком мало «сложных». Считать домостроевскую дикость и пещерные проявления религиозного мракобесия российской «культурной матрицей» и традиционными ценностями, краеугольным камнем государственности – исторический подлог. Именно власть, политическая элита, дорвавшаяся до «кормушки», низводит до нуля профессионалов и возвышает лояльную серость [5].

Обращая внимание на происходящие в обществе институциональные изменения, подчеркнем, что институциональная структура обладает опять же свойством инерционности, которое заключается в том, что большинство институциональных инноваций могут быть отвергнуты в процессе эволюции социальной системы. Институты – это устойчивые системы укоренившихся общественных правил и обычаев, структурирующих социальные взаимодействия [9]. В этом отношении социальная инерционность опять же оказывается связанной с зависимостью от предшествующего пути развития.

В настоящее время в России в ходе очередной модернизации становление новой социальной структуры, наполненное противоречиями, ведет к изменениям в процессах социальной мобильности [11]. Нынешняя ситуация в обществе все чаще осознается как маргинальная, поскольку в основе ее – пограничное, промежуточное положение, в котором оказались общество и его элементы в результате разрушения старой и попыток формирования новой социальной системы.

В связи с этим проблема рискогенности социума приобретает особую смысловую актуальность. Люди формируют ответы на вызовы истории, которые постоянно изменяются и усложняются. Успех в конечном счете зависит от политики, от способности правящих субъектов и всего общества создать институты, обеспечивающие ускоренный рост при необходимых структурных трансформациях [10]. На этом пути политиков, общество, человека подстерегают риски. Четкое осознание этих рисков не менее значимо, чем выработка позитивных рекомендаций по принятию тех или иных мер.

Сегодня в отечественной социальной мысли благодаря разработкам О.Н. Яницкого [12], Ю.А. Зубок [13], ряда других авторов форми-

руется подход к изучению социальной проблематики на основе концепции общества риска, которая позволяет описать поведение индивидов и социальных групп в напряженной ситуации, отличающейся взаимосвязью чувств, ожиданий, устремлений поступков, с одной стороны, и угрожающе изменяющихся в негативную сторону технологических, природных, социально-экономических, социокультурных факторов повседневного бытия – с другой.

Феномен повторения начинает проявляться во многих сферах жизни российского общества. При этом характеристики феномена социального повторения в ходе институциональных и ценностных изменений отчетливо накладываются на идею прошлого как «спасения от настоящего». Ее эмпирическое содержание переводится в многообразие сценариев реализации.

«Со второй половины 1980-х гг., когда работа памяти благодаря горбачевской либерализации вышла из-под контроля официальной историографии, – пишет М. Ферретти, – в России успели появиться и затем снова уйти на периферию общественного сознания несколько новых образов прошлого, глубоко изменивших представления россиян о своей стране. Трагедия сталинизма сделалась, наконец, предметом публичного обсуждения, но затем оказалась снова вытеснена из сознания общества; отношение к Октябрьской революции, положившей начало советской системе, было подвергнуто радикальной ревизии, в умы стала внедряться идеализированная картина дореволюционной России.

На первых порах, когда Россия еще только расставалась с советской эпохой, этот альтернативный образ прошлого, который должен был лечь в основу новой идентичности, утвердился очень легко, однако с течением времени он заметно утратил силу. На заре XXI в. Россия все еще не может справиться с мучительным опытом, пережитым ею в XX столетии». Память об эпохе сталинизма по-прежнему не оставляет россиян в их размышлениях о прошлом [5].

Феномен социального повторения тесно связан с переходом от традиционного общества к современному, лишенному оков традиционализма и патриархальности. Это сложный и болезненный переход, который займет немалый промежуток времени и охватит собой всю сферу социальности, понимаемую как совокупность экономических, социально-групповых, политических, идеологических и иных отношений между людьми в их разнообразной деятельности. Такого рода переход нередко может быть сопряжен с кризисом культуры, что осложняет подобный переход, затрагивая самые основы бытия [6].

Переход к новому строю сопровождается ломкой и кризисом ценностей, т.е. проблемами, связанными с осознанием подобного транзита. В ходе социальной трансформации происходит изменение всей системы ценностей. Девальвация традиционных и устоявшихся ценностей, упадок нравов, отсутствие позитивных ценностных ориентаций есть показатель потери человеком себя.

В.Л. Сиднина, выявляя проявления экономической инерционности в сфере производства в современной России, исходит из того, что инерционные характеристики и индексы задаются структурой ресурсов, производства и инфраструктуры. Налицо стойкая инерция феномена диспропорций. Значительна роль инерционности в демографических процессах, состоянии здоровья, уровне образования, в мотивациях. Все еще работает инерция отсутствия рыночной мобильности [7].

В рамках ценностной и институциональной ломки в постсоветской России, а также под воздействием последствий травматичного раздела державы и расчленения национального тела в духовной жизни российского общества зафиксировалась жесткая идейно-культурная поляризация, отчетливо вписанная в феномен социального повторения.

Показатели проявления инерционности в парадигме социального повторения в российском обществе отражают в том числе его неготовность к серьезным изменениям, связанным с новыми рисками, что подменяется стремлением найти опору не только в привычных формах общественного бытия, но и в тех, что скрыты в глубинных архетипах массового сознания.

Определяющим фактором выступает целенаправленная политика властных элит, которые видят свой интерес в консервации существующих общественных порядков во имя удержания влияния, рассматривая частичный возврат к элементам прошлого как эффективный способ решения этой важнейшей задачи.

Проявление инерционности в парадигме социального повторения накладывается на тенденцию дальнейшей дегуманизации и деморализации общества, что, в свою очередь, взаимодействует с вызовом современности, влияющим на многие обстоятельства жизненного существования. Воздействие вызова современности, взрывающего устоявшееся движение социального существования, демонстрирует как новые навыки, так и старые рефлексии, и устремленность в будущее, и невозможность преодолеть тиски прошлого. Глобальный мир вовлекает человеческую личность во множество взаимодействий, одновременно превращает цели и смысл человеческих отношений во что-то преходящее, лишенное ценностного содержания. Многие философы

характеризуют подобную ситуацию как кризис человеческой социальности.

Таким образом, социальные и политические практики свидетельствуют, что в российском обществе вновь сработало инерционное начало, на этот раз преимущественно в образе советского прошлого. Подобное проявление феномена социального повторения в ходе институциональных и ценностных изменений в обществе накладывает на торможение в начале нового столетия процессов формирования институтов демократии, гражданского общества и рыночной экономики.

Литература

References

1. Бурдьё П. Социология политики. М., 1993.
2. URL: www.polit.ru/research/2008/07/07/ (дата обращения: 12.03.2010).
3. Горшков М.К. О социальном ресурсе адаптации россиян к условиям кризиса (вместо предисловия) // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. С. 5–7.
4. Новопрудский С. Инстинкт варвара // Новая газета. 2012. 10 окт.
5. Ферретти М. Расстройство памяти: Россия и сталинизм [Электронный ресурс]. URL: polit.ru/2006/ (дата обращения: 12.03.2010).
6. Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. М.: ИФ РАН, 1994.
7. Сиднина В.Л. Инерционность как свойство экономической системы: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Энгельс, 2002.
8. Вольчик В.В., Посухова О.Ю. Прекариат и профессиональная идентичность в контексте институциональных изменений // TERRA ECONOMICUS. 2016. Т. 14, № 2. С. 159–173.
9. Солодовник Л.В., Заяц П.В. Социокommunikативные предпосылки разбалансирования социальной ситуации в современной России: миф или реальность // Власть. 2017. Т. 282, № 3. С. 41–48.
10. Посухова О.Ю., Сериков А.В. Жизненные ориентиры жителей Южного федерального округа в контексте современных реалий // Вестник Института социологии. 2016. № 1 (16). С. 56–73.
1. *Burd'e P.* Sotsiologiya politiki. M., 1993.
2. URL: www.polit.ru/research/2008/07/07/ (data obrashcheniya: 12.03.2010).
3. *Gorshkov M.K.* O sotsial'nom resurse adaptatsii rossiyan k usloviyam krizisa (vmesto predisloviya) // Rossiya reformiruyushchayasya : ezhegodnik / otv. red. M.K. Gorshkov; Institut sotsiologii RAN. M. : Novyy khronograf, 2016. S. 5–7.
4. *Novoprudskiy S.* Instinkt varvara // Novaya gazeta. 2012. 10 okt.
5. *Ferretti M.* Rasstroystvo pamyati: Rossiya i stalinizm [Elektronnyy resurs]. URL: polit.ru/2006/ (data obrashcheniya: 12.03.2010).
6. *Krizisnyy sotsium.* Nashe obshchestvo v trekh izmereniyakh. M. : IF RAN, 1994.
7. *Sidnina V.L.* Inertsionnost' kak svoystvo ekonomicheskoy sistemy : avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk. Engel's, 2002.
8. *Vol'chik V.V., Posukhova O.Yu.* Prekariat i professional'naya identichnost' v kontekste institutsional'nykh izmeneniy // TERRA ECONOMICUS. 2016. T. 14, № 2. S. 159–173.
9. *Solodovnik L.V., Zayats P.V.* Sotsiokommunikativnye predposylki razbalansirovaniya sotsial'noy situatsii v sovremennoy Rossii: mif ili real'nost' // Vlast'. 2017. T. 282, № 3. S. 41–48.
10. *Posukhova O.Yu., Serikov A.V.* Zhiznennyye orientiry zhiteley Yuzhnogo federal'nogo okruga v kontekste sovremennykh realiy // Vestnik Instituta sotsiologii. 2016. № 1 (16). S. 56–73.

11. *Новопрудский С.* Крым проехали. [Электронный ресурс]. URL: [https:// www.gazeta.ru/comments/column/novoprudsky/8105771.shtml](https://www.gazeta.ru/comments/column/novoprudsky/8105771.shtml) (дата обращения: 12.10.2016).

12. *Яницкий О.* Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. Т. XII, № 1. С. 3–35.

13. *Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К.* Молодежь в обществе риска. 2-е изд. М.: Наука, 2003.

11. *Novoprudskiy S.* Krym proekhali [Elektronnyy resurs]. URL: [https:// www.gazeta.ru/comments/column/novoprudsky/8105771.shtml](https://www.gazeta.ru/comments/column/novoprudsky/8105771.shtml) (data obrashcheniya: 12.10.2016).

12. *Yanitskiy O.* Sotsiologiya riska: klyuchevye idei // Mir Rossii. 2003. T. XII, № 1. S. 3–35.

13. *Chuprov V.I., Zubok Yu.A., Uil'yams K.* Molodezh' v obshchestve riska. 2-e izd. M.: Nauka, 2003.

Поступила в редакцию

16 мая 2017 г.